

В.Г. ЗУБАРЕВ, В.В. МАЙКО, С.В. ЯРЦЕВ
V.G. ZUBAREV, V.V. MAIKO, S.V. IARTSEV

**НОВЫЙ СКЛЕП С РАННЕСРЕДНЕВЕКОВЫМИ МАТЕРИАЛАМИ
ИЗ РАСКОПОК НЕКРОПОЛЯ ГОРОДИЩА БЕЛИНСКОЕ¹
NEW BURIAL VAULT WITH EARLY MEDIEVAL MATERIALS
FROM EXCAVATIONS OF NECROPOLIS OF THE SETTLEMENT
BELINSKOYE**

Некрополь городища Белинское расположен в Восточном Крыму на Керченском полуострове, в 1,5 км к югу от с. Белинское Ленинского района. Площадь некрополя в отмеченных границах составляет 7,8 га. Исследования могильника проводятся с 2005 года [Зубарев, Ланцов, 2006, с. 316–339]. К настоящему времени в центральной и южной частях некрополя раскопано 23 склепа и столько же грунтовых погребений. На центральном участке все захоронения связаны с античным периодом в истории городища. В южной части несколько безынвентарных погребений, предположительно относятся к салтовскому периоду.

На центральном участке, где доминирующим типом могил являются погребения в вырубных склепах с коротким дромосом, по крайней мере, в двух из них обнаружены следы использования погребальных сооружений в период средневековья. В первом случае это несколько вторичных захоронений в погребальной камере склепа № 16, как с инвентарём (сабли и элементы конской упряжи), так и без него, датированных концом XI–XII вв. [Зубарев, Леонтьева, 2012, с. 169–177]. Во втором случае это граффити салтовского времени на стене погребальной камеры склепа № 19 [Майко, Зубарев, Ярцев, 2016, с. 321, рис. 1, 2] и, возможно, связанное с ним вторичное погребение в этом склепе [Зубарев, Пономарёв, Ефимёнок, 2014, с. 248–269].

В 2014 году при зачистке материковой скалы в центральной части некрополя рядом со склепом № 19 был выявлен новый склеп (склеп № 23), относящийся к типу вырубных склепов с коротким дромосом. Его исследования, проводившиеся в течение 2014–2015 гг., показали присутствие раннесредневековых материалов.

Конструкция склепа обычна для данного некрополя. Он состоит из могильной (придромосной) ямы, короткого дромоса и погребальной камеры. Ориентирован по продольной оси С–Ю (рис. 1, 1). Отличительными особенностями, определяющими подтип склепа, являются отсутствие лежанки внутри погребальной камеры и относительно высокий вход в неё. Последняя особенность имела место ещё в одном из

¹ Работа выполнена в рамках НИР "Археологические и геофизические изыскания на археологических памятниках Аджизельской балки для проверки гипотез о характере антропогенного воздействия в период голоцена" в Тульском государственном педагогическом университете им. Л.Н. Толстого (задание Минобрнауки России, № 33.6496.2017/БЧ).

исследованных на некрополе склепов (склеп № 21), также расположенном рядом со склепом № 19, но при этом не содержащим раннесредневекового материала.

Могильная яма трапециевидной формы, ориентированная по продольной оси С-Ю. Длина могильной ямы 2,5 м. Ширина в северной части 1,33 м, в южной 1,65 м. Глубина 1,7 м. Вырублена в скальном грунте жёлтого ракушечника. В дальней от дромоса части имеются 3 ступени. Со стороны дромоса фрагментарно сохранилась закладная плита, отваленная от входного отверстия. Размеры закладной плиты 1,1 x 1,35 x 0,2 м.

Грунт заполнения в верхней части могильной ямы тёмно-серый с включением мелких камней и белой крошки. В грунте присутствовало также большое количество раковин виноградной улитки. Мощность слоя – 0,6 м. Под ним слой жёлто-коричневого суглинка с понижением в сторону дромоса. Мощность слоя до 1,1 м. Под ним дно могильной ямы – жёлтый ракушечник. Слой суглинка, вероятно, образовался при первичной засыпке ямы. Слой тёмно-серой супеси является результатом вторичного использования склепа в более позднее время. И в том и другом слое присутствовали фрагменты керамических изделий.

Находки из тёмно-серого слоя представлены фрагментами тарной, столовой, краснолаковой и лепной посуды. Из профильных частей можно отметить ножку амфоры типа «Делакеу» (рис. 2, 1), фрагмент дна кувшина на кольцевом поддоне (рис. 2, 5) и фрагмент венчика краснолаковой миски (рис. 2, 2).

Находки из слоя жёлто-коричневого суглинка представлены фрагментами амфор, из которых отметим фрагмент венчика амфоры типа F по Д.Б. Шелову (рис. 2, 3) и фрагмент ручки амфоры того же типа (рис. 2, 4); фрагменты стенок лепной посуды и небольшой лепной кубок (рис. 2, 6).

Дромос представляет собой короткий сводчатый коридор длиной 0,45 м. Высота входного отверстия – 1,3 м, ширина – 0,7 м. Пол дромоса ниже уровня дна могильной ямы. Дромос полностью был заполнен грунтом, аналогичным по структуре грунту заполнения могильной ямы.

Единственной находкой в грунте заполнения дромоса стало надгробие с изображением креста (рис. 2, 7).

Погребальная камера полуовальной формы. Свод полуциркульный. Лежанка отсутствует, однако у южной, дальней от дромоса стены были обнаружены два хорошо обработанных каменных блока, возможно, первоначально использовавшиеся в качестве лежанки. Пол погребальной камеры ниже уровня основания дромоса на 0,45 м. Дромос соединяется с погребальной камерой ступенькой, вырубленной внутри дромоса. Площадь камеры – 10,62 м. Высота камеры в северной части со стороны дромоса – 1,75 м. Со стороны южной, дальней от дромоса стены – 2,0 м. Расстояние между северной и южной стенами – 3,6 м. Расстояние по оси З-В – 2,95 м.

В северной стене справа и слева от дромоса имеются ниши под светильники. Восемь ниш выявлено в западной стене (рис. 2, 8). Две из них предназначались под светильники, а остальные представляли собой ниши с полукольцами для

Зубарев В.Г., Майко В.В., Ярцев С.В. Новый склеп...

привязывания или подвешивания. Ещё две аналогичные ниши обнаружены в восточной стене и одна – в своде камеры. На восточной стене камеры имелись, кроме того, граффити в виде креста и тамги салтовского времени [Майко, Зубарев, Ярцев, 2016, с. 321, рис. 1, 3].

Камера была заполнена грунтом по всей площади с понижением к южной стене. Грунт заполнения неоднородный. В верхней части это тёмно-серый грунт на основе суглинка с примесью камней. Под ним слой жёлто-коричневого суглинка. На глубине 1,78 м от свода камеры выявлена прослойка серого грунта, сформированная на основе глины и золы, с примесью небольших кусочков древесного угля. Толщина прослойки 0,1 м.

Фрагменты человеческих останков обнаружены во всех трёх горизонтах грунта заполнения камеры, однако наибольшее их скопление приходится на слой жёлто-коричневого суглинка. Большинство скелетов сдвинуто со своих первоначальных мест, анатомическая последовательность костей скелета нарушена. Кроме того, следует отметить, что человеческие останки были в ряде случаев перемешаны с костями животных и, как показал анализ антропологического материала, фрагменты скелетов погребённых были перемешаны между собой и разбросаны по разным частям погребальной камеры.

Кроме человеческих останков, в погребальной камере были выявлены останки лошади. Скелет не полный. Присутствуют череп и кости ног, причём найдены они в переотложенном грунте и в разных частях погребальной камеры. На вопрос, являются ли эти останки следствием разрушения захоронения или же они попали в склеп по иной причине, однозначно ответить нельзя.

Находки из тёмно-серого слоя заполнения камеры немногочисленны и в основном представлены стенками амфор и столовой посуды. Из профилированных частей отметим фрагмент венчика лепного горшка.

Большинство находок происходит из слоя жёлто-коричневого суглинка заполнения камеры склепа. Помимо стенок тарной, столовой, и лепной посуды, в нём были найдены фрагменты донца и венчиков краснолаковых тарелок, фрагмент ручки лепного сосуда, стилизованной под килик, фрагмент венчика кухонного сосуда (котла?). Особо следует отметить два обломка мраморной плитки, два изделия из стенок амфор (амфорные пробки) (рис. 3, 2,3), изделие из камня, фрагмент бронзового перстня (рис. 3, 12), фрагмент железной скобы, фрагмент железного гвоздя (рис. 3, 13,14) и бронзовую подвеску (рис. 3, 11).

Некоторые предметы были найдены рядом со скоплением скелетов или непосредственно в этих скоплениях, что однозначно позволяет отнести их к предметам погребального инвентаря. К таким находкам относятся: железная пряжка (рис. 3, 15), два сломанных пополам железных ножа (рис. 3, 16,17), бронзовый перстень с щитком (рис. 3, 10), два небольших обломка костяного гребня (рис. 3, 8,9). Особо отметим находку трёх изделий из кости мелкого рогатого скота (игольники) салтовского времени (рис. 3, 5-7).

Под двумя нишами в северной стене были найдены два краснолаковых однорожковых закрытых светильника (рис. 3, 1,4).

Остановимся подробнее на некоторых наиболее значимых находках из погребальной камеры склепа.

Несколько изделий относятся, вероятно, к периоду строительства склепа. Это два краснолаковых однорожковых закрытых светильника (рис. 3, 1,4). Один из них рубчатый с рельефным орнаментом на щитке в виде косых линий и наклепов возле рожка, другой – с рельефным изображением в виде раковины. Интересен и предмет из камня, являющийся, возможно, макетом закрытого однорожкового светильника. Подобное изделие было найдено в заполнении домашнего алтаря античного времени на городище Белинское.

Пряжка бесщитковая круглой формы (железо) (рис. 3, 15). Два фрагмента. Часть язычка отколота. Подобные пряжки достаточно широко известны среди погребального инвентаря салтовских некрополей Восточного Крыма Тепсень [Майко, 2004, с. 134, рис. 74, 2] и Сугдея [Майко, 2007, с. 158, рис. 101, 6], жилых и хозяйственных сооружений второй половины VIII-IX вв. [Майко, 2004, с. 217, рис. 123, 7]. Известны они и среди погребального инвентаря некрополей и жилых сооружений Сугдеи второй половины X-XI вв. [Майко, 2007, с. 33, рис. 21, 12,13; Майко, 2014, с. 401, рис. 134, 2].

Перстни с плоским ромбическим щитком (бронза) (рис. 3, 10,12). Второе изделие разломано. Оба относятся к простым литым изделиям второй половины VIII-IX вв. с уплощенной жуковиной, широко распространенным среди материалов салтовских памятников Восточного Крыма [Майко, 2007, с. 177].

Ножи (железо) (рис. 3, 16,17). Оба разломаны на две части. К сожалению, эта категория находок еще в большей степени, чем две предыдущие, не является хронологическим индикатором. Подобные ножи, относящиеся к категории бытовых [Плетнева, 1989, с. 91], широко известны, в том числе и на салтовских памятниках Восточного Крыма [Майко, 2004, с. 215, рис. 122; Майко, 2007, с. 159, рис. 102, 20,21].

Подвеска для серьги (бронза) (рис. 3, 11). Сохранилась только нижняя часть привески, что затрудняет поиск аналогий и датировку. Отметим, что в материалах салтовских памятников Восточного Крыма присутствует группа подобных изделий второй половины VIII-IX вв. с бронзовыми литыми привесками [Майко, 2007, с. 178]. Возможно, к этой категории находок относится и публикуемый экземпляр.

Особо следует отметить находку двух мелких фрагментов *костяного гребня* (рис. 3, 8,9). Судя по всему, они относятся к одному изделию, которое с большой степенью вероятности можно отнести к широко известным односторонним составным гребням-расческам. От нашего изделия сохранился только фрагмент лицевой накладки, орнаментированной традиционными концентрическими окружностями, скрепленный с фрагментом пластины с зубьями (рис. 3, 8). Сохранился и один больший фрагмент еще одной пластины с зубьями (рис. 3, 9). В материалах салтовских памятников полуострова костяные гребни-расчески неизвестны. Единственные

Зубарев В.Г., Майко В.В., Ярцев С.В. Новый склеп...

фрагментированные экземпляры известны в материалах раскопок на плато Мангуп [Душенко, 2016, с. 25], где они датируются второй половиной X – первой половиной XI вв. Не исключено и их производство на этом городище. В целом эта категория бытовых предметов получила распространение в Европе начиная со второй половины X в. Именно этим временем датируются экземпляры в материалах древнерусских и скандинавских памятников [Давидан, 1962, с. 95–103; Колчин, 1982, с. 164]. В.Е. Флеровой на материалах Саркела-Белой Вежи сделана попытка выделить наиболее раннюю категорию расчесок, датируемую до середины X в. [Флёрва, 1998, с. 625–627]. Однако датировка, предложенная на анализе стратиграфической ситуации Саркела, нуждается в дополнительной аргументации. Вероятнее всего, гребень-расческу из склепа 23 надо датировать второй половиной X-XI вв. Однако, учитывая сильную фрагментарность изделия, это не более чем предположение.

Особое место среди находок занимают три *игольника*, сделанные из трубчатых костей мелкого рогатого скота (рис. 3, 5-7), частично проанализированных в отдельной публикации [Майко, Зубарев, Ярцев, 2016, с. 321, рис. 1, 5-7]. Тем не менее, напомним основные положения.

Один – является, вероятно, неорнаментированной заготовкой (рис. 3, 5). Второй, со сквозным отверстием, украшен в нижней части горизонтальными линиями и четырьмя поясами, заполненными небрежным сетчатым орнаментом, характерным для орнаментации костяных изделий салтовской культуры (рис. 3, 6). Третье изделие, обработанное наиболее тщательно, имеет сюжетный орнамент (рис. 3, 7).

Данная категория костяных находок является хорошо известной в материалах салтовской культуры и достаточно подробно рассмотрена в литературе [Флёрва, 1996, с. 297–299]. В большинстве случаев они представляют собой полые, тщательно выделанные изнутри цилиндрические предметы, традиционно изготавливаемые из трубчатых костей мелкого рогатого скота. В качестве крымских аналогий можно упомянуть два *игольника* из материалов Тепсеньского городища [Майко, 2004, с. 232, рис. 131,4,5], предмет из погребального инвентаря могильника Ай-Фока близ с. Морское [Баранов, 1991, с. 148, рис. 2, 24], а также *игольницу* с четырьмя тамгообразными знаками из связанного с последним некрополем поселения [Майко, 1996, 145, 1, 5].

Очевидно, эта категория предметов была многофункциональной. Как справедливо отмечают исследователи, во-первых, трудно провести грань, в частности, между *игольниками* и костяными рукоятками шилев или ножей, во-вторых, не исключено их использование и в качестве украшений или амулетов [Флёрва, 1996, с. 297]. Эту мысль подтверждают не только упомянутая *игольница* из Морского с тамгообразными знаками, но и публикуемое изделие из склепа № 23.

Наибольший интерес представляет *игольник* с сюжетным орнаментом (рис. 3, 7). В нижней и верхней частях предмет украшен поясами насечек, обрамляющих композицию. Над нижним поясом расположены три ряда пересекающихся дуг, украшенных аналогичными насечками. Центром сюжетной композиции является, вероятно, доста-

точно реалистичное изображение парнокопытного животного, очевидно косули, помещенное сразу над дугами. Туловище ее заполнено аккуратными параллельными линиями. Над ней прочерчены чередующиеся в шахматном порядке четыре изображения хищных птиц, которые мастер попытался зафиксировать в полете. Именно так, на наш взгляд, можно объяснить кажущееся перпендикулярным их расположение по отношению к животному. Несмотря на схематичность изображения птиц с распростертыми крыльями и хвостами, их принадлежность к хищникам, исходя из прорисованных клювов, обращенных к земле, не вызывает сомнения. Напомним в этой связи, что в изобразительном мире Хазарии хищные птицы всегда играли особую роль и их изображения, даже предельно схематичные, всегда отличались от водоплавающих птиц [Флёрова, 2001, с. 72]. Туловища птиц заполнены косыми чередующимися черточками, а крылья и хвосты – аккуратными параллельными и расходящимися линиями соответственно. Отметим, что типологически близкая манера изображения орлов отмечена на ручке широко известного кипского ковша, происходящего из некрополя Кип III лесного Прииртышья, который датируется IX-X вв. [Флёрова, 2001, с. 95, рис. 29,1].

С большой долей вероятности можно предположить, что дуги обозначают горы, а расположенный над ними сюжет трактовать как сцену терзания хищными птицами, связанными с символикой неба и солнца, парнокопытных животных. Эти сцены известны в том числе и в хазарской мифологии, о которой мы до сих пор знаем чрезвычайно мало. В большинстве случаев дошедшие до нас графические изображения средневековой тюркской, в том числе и хазарской культуры сохранились на костяных горловинах бурдюков, больших по размерам, нежели публикуемый игольник. Наиболее известной и опубликованной остается сцена терзаний хищными птицами парнокопытных животных из Саркела [Флёрова, 2013, с. 122, табл. X, 4; Флёрова, 2001, с. 70]. Напомним, что и там все фигуры композиции заполнены точками.

Таким образом, анализ материала позволяет говорить минимум о двух периодах в истории использования склепа № 23. Первый, связанный с постройкой склепа, относится к IV в. н.э. (основанием для датировки служат фрагменты амфор типа F по Д.Б. Шелову и типа «Делакеу», а также два краснолаковых светильника).

Второй период связан с салтовским временем (основанием для датировки служит наличие фрагментов салтовской посуды, в том числе горшка с внутренними ушками, в заполнении погребальной камеры, а также немногочисленный погребальный инвентарь). Помимо этого, косвенным аргументом являются и некоторые индивидуальные особенности на костях скелетов погребённых в склепе № 23, если их сравнивать с результатами антропологического анализа костных останков из склепов некрополя городища Белинское, где присутствие салтовского населения не прослеживается [Зубарев, Пономарёв, 2009, с. 224–231]. Нигде ранее не выявлены следы венерических заболеваний и случаи заболевания бруцеллёзом. Резко увеличилось количество переломов костей в структуре травматизма (71,4%). Возможно, эти различия также свидетельствуют в пользу салтовского перезахоронения в склепе.

Зубарев В.Г., Майко В.В., Ярцев С.В. Новый склеп...

Косвенным аргументом в пользу использования склепа № 23 в салтовское время являются и граффити в дальней от дромоса части восточной стены погребальной камеры. Они представляют собой тамгообразный знак в виде нескольких пересекающихся линий и расположенный рядом с ним, но несколько выше, простой крест. Данные изображения уже подробно анализировались нами ранее [Майко, Зубарев, Ярцев, 2016, с. 321, рис. 1, 3], поэтому нет необходимости повторяться в поиске аналогий. Ограничимся лишь констатацией факта их широкого бытования на поселениях салтово-маяцкой культуры и тем, что изображение простого прямого креста известно, как правило, в сопровождении других знаков [Флёрова, 2013, с. 29]. В данной статье для нас более важным является вопрос о времени появления граффити на стене погребальной камеры и об интерпретации их функционального назначения.

Если о тамгообразных знаках в виде ломаных линий с точки зрения их хронологии ничего определённого сказать нельзя, то в отношении простого прямого креста как будто бы можно говорить о начале времени его распространения со второй половины IX века [Флёрова, 2013, с. 153, табл. XIX], что совпадает со временем появления салтовского поселения в восточной части городища Белинское. Впрочем, для нас, пожалуй, более важным является определение целей нанесения этих знаков на стену погребальной камеры. В.Е. Флёрова достаточно убедительно обосновывает магическое назначение знаков, отмечая среди прочего тот факт, что имели случаи помещения меченых кирпичей в погребение Саркельского могильника, кургана Романовского I могильника и средневекового могильника у Сопота [Флёрова, 2013, с. 53].

В пользу этой версии говорит и то обстоятельство, что аналогичные знаки в виде двузубца и простого креста, нанесённые практически в том же месте погребальной камеры, но уже другого склепа № 19, никак не могли быть связаны с хозяйственной деятельностью, так как следов этой деятельности обнаружено не было. Зато имело место аналогичное склепу № 23 перезахоронение перемешанных и раздробленных костей скелетов в аналогичном по структуре слое желто-коричневого суглинка, правда, без какого-либо погребального инвентаря. Кроме того, знаки в виде крестов в 2005 году были обнаружены ещё на одном склепе некрополя – склепе № 4. Здесь они располагались над входом в погребальную камеру и на западной стене входа в погребальную камеру [Зубарев, Ланцов 2006, 334, рис. 7]. Никаких следов хозяйственного использования склепа в период раннего средневековья также не выявлено.

Такую же функцию мог выполнять и каменный блок с прочерченным на нём крестом, найденный в заполнении дромоса склепа № 23. С другой стороны, его хронологическое соответствие (несмотря на близость техники нанесения) знакам внутри погребальной камеры не бесспорно. Дело в том, что мы не исключаем возможность использования погребальной камеры и в более поздний период, в конце XI–XII вв. На это, в частности, указывает идентичность структуры верхнего слоя, перекрывающего жёлто-коричневый суглинок, в заполнении погребальной камеры склепа № 23 грунту заполнения могильной ямы и погребальной камеры склепа № 16, в котором были выявлены погребения указанного времени. Там же было найдено и захо-

ронение лошади, аналогичное обнаруженному в рассматриваемом в статье склепе [Зубарев, Леонтьева, 2012, с. 176].

И последнее, знаки в античных склепах некрополя городища Белинское типологически наиболее близки северокавказскому типу знаков памятников Хазарии [Флёрова, 2013, с. 155, табл. XXI, 4]. Учитывая то обстоятельство, что в составе населения античного городища Белинское немалую часть (особенно на последних этапах его существования) составляли выходцы из того же региона [Зубарев, 2009, с. 176–178], нельзя исключать наличие определённой связи между теми, кто жил здесь в период античности, и теми, кто пришёл им на смену.

Определённый диссонанс в картину салтовских перезахоронений вносит наличие в стенах склепа «колец» для привязи мелкого рогатого скота. Подобные «кольца» известны на Кызаульском некрополе, где их наличие, по мнению Н.Ф. Федосеева и Л.Ю. Пономарёва, свидетельствует о хозяйственном использовании склепа между серединой VIII и первой половиной X вв. [Федосеев, Пономарев, 2012, с. 510–511, рис.15]. Сочетание такого функционального назначения с имеющимися в нашем склепе перезахоронениями в одно и то же время маловероятно. Следовательно, использование погребальной камеры склепа в качестве укрытия для животных могло осуществляться только до того, как в склепе было произведено перезахоронение. В пользу этой версии говорит и то обстоятельство, что часть «колец» была засыпана слоем суглинка, в котором и было осуществлено перезахоронение.

В этой связи несомненный интерес представляют результаты работ 2016 года в западной части некрополя городища Белинское. Здесь, в непосредственной близости от местоположения склепов с раннесредневековыми материалами, обнаружены остатки кошары салтовского времени. Предварительный анализ керамического материала позволяет говорить о том, что время начала её функционирования относится как минимум ко второй половине VIII века. В то же время салтовский материал с территории античного городища, включая хорошо выраженный слой этого времени с остатками фундаментов построек в восточной части, датируется не ранее второй половины IX века. Можно предположить, что на начальном этапе освоения территории носителями салтовской культуры они располагались исключительно на правой (восточной) стороне Аджиэльской балки и именно в это время использовали часть склепов под укрытие для скота. На противоположной же стороне располагался могильник (несколько безынвентарных захоронений салтовского времени было обнаружено в восточной части городища). В дальнейшем основное поселение переместилось на левую сторону, заняв часть античного городища. Территория же некрополя стала использоваться по прямому назначению.

Наиболее сложным является вопрос об интерпретации зафиксированного в заполнении склепа средневекового погребального обряда. Если о разрозненных костях, найденных в переотложенном грунте верхнего заполнения погребальной камеры, сказать что-либо конкретное не представляется возможным, то останки, выявленные в жёлто-коричневом суглинке, дают некоторые основания для его решения.

Зубарев В.Г., Майко В.В., Ярцев С.В. Новый склеп ...

Прежде всего, обращает на себя внимание тот факт, что все эти останки образуют одиннадцать отдельных групп, изолированных друг от друга (рис. 1, 2). Анализ костей показал, что в каждой такой группе смешаны раздробленные кости как животных, так и людей. Кости людей оказались «перемесом» (останки одних и тех же индивидов встречались в разных группах). Таким образом, можно предположить, что имело место перезахоронение останков погребённых. Всего в одиннадцати группах выявлены останки 38 индивидов, из которых 10 принадлежали мужчинам в возрасте от 20 до 50 лет, 6 – женщинам в возрасте от 20 до 50 лет, 17 – детям в возрасте 0-7 лет и 5 – детям в возрасте 7-14 лет².

Анализ костей животных, обнаруженных в выделенных группах, представлен в следующей таблице³:

БАЭ 2015	Могильник			
	Склеп № 23			
	КРС	МРС	Свинья	Собака
Фрагмент черепа		1 (барашек)		
Фрагмент челюсти		1	1	4
Зубы	1	5		
Плечо	1			3
Лопатка				3
Позвонок		11	3	
Ребро	10	25	5	13
Лучевая	1			3
Локтевая				2
Метаподий	1	1		14
Таз		7		
Б.берцовая		1		1
Пяточная	2			2
1 фаланга		2		4
Итого	16	53	9	49

Кости животных в целом имели хорошую сохранность, механические повреждения есть, но в большинстве своём они имеют приобретённый от времени и завалов характер, следы воздействия огня отсутствуют. Большая часть костей принадлежала молодым особям.

² Анализ антропологического материала Д.Ю. Пономарёв и А. В. Никитаев (г. Керчь).

³ Остеологический анализ М.О. Жутенкова (г. Тула).

Среди всех салтовских памятников Таврики наиболее ярко обряд совместного погребения людей и жертвенных животных известен благодаря раскопкам салтовского поселения на месте античного городища Артезиан, расположенного в прямой видимости от нашего памятника. Именно здесь в центральной части поселения выделено два условных культовых комплекса. В состав одного из них, «южного», входило совместное захоронение в каменном ящике подростка и частей туши быка и, что наиболее важно, два жертвоприношения, состоявших из расчлененных останков людей и животных. В составе другого, «юго-восточного культового комплекса», было исследовано захоронение в хозяйственной яме расчлененных останков подростков и домашних собак [Винокуров, Пономарев, 2015, с. 18–22; Винокуров, Пономарев, 2016, с. 208–211].

Таким образом, материалы склепа № 23 некрополя городища Белинское дают уникальную возможность подтвердить существование у салтовцев Крыма языческих верований, связанных с культом домашних животных, при совершении которых производилось перезахоронение некоторых костей погребенных с принесением в жертву частей расчлененных туш животных.

Итак, строительство склепа № 23 и первичные захоронения в нём следует отнести ко времени не ранее первой половины IV в. н.э. Затем погребальная камера склепа использовалась в качестве укрытия для мелкого рогатого скота (конец VIII–первая половина IX вв.). Со второй половины IX в. в камере были осуществлены перезахоронения, возможно, ритуального характера, связанные с языческими культурами. Именно с этими захоронениями связано появление знаков на стене камеры, имевших магическое значение. Тогда же античный некрополь стал использоваться по своему прямому назначению. На это, в частности, указывает наличие безынвентарных погребений салтовского времени в южной части некрополя. В последний раз погребальная камера была использована во второй половине X–XI вв. Возможно, с этим периодом связано захоронение лошади и каменный блок с прочерченным на нём крестом.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

- Баранов И.А.* Болгаро-хазарский горизонт средневековой Сугдеи // Проблемы на прабългарската история и култура. София, 1991. С. 145–159.
- Винокуров Н.И., Пономарев Л.Ю.* Салтово-маяцкое поселение на античном городище Артезиан (Керченский полуостров) // Lauea I. Античный мир и средние века: Чтения памяти профессора Владимира Ивановича Кадеева. Материалы. Харьков, 2015. С. 18–22.
- Винокуров Н.И., Пономарев Л.Ю.* Центральный участок салтово-маяцкого поселения на городище Артезиан (по итогам исследований на раскопе 1 в 1989–2001 гг.) // ПИФК, 2016, № 1. С. 184–232.
- Давидан О.И.* Гребни старой Ладоги // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Вып. 4. Л., 1962. С. 95–103.
- Душенко А.А.* Косторезное дело Мангупа. Автореферат дис. к.и.н. Симферополь, 2016. 30 с.
- Зубарев В.Г.* К вопросу об этническом составе жителей сельских поселений Европейского Боспора в III–IV вв. н.э. (по материалам городища Белинское и его некрополя) // БЧ. X. 2009. С. 176–178.
- Зубарев В.Г., Ланцов С.Б.* Некрополь городища Белинское (предварительные результаты первых раскопок) // ДБ. Т. 10. 2006. С. 316–339.

Зубарев В.Г., Майко В.В., Ярцев С.В. Новый склеп ...

- Зубарев В.Г., Леонтьева В.А. Погребение кочевников из некрополя городища Белинское // ДБ. Т. 16. 2012. С. 169–177.
- Зубарев В.Г., Пономарёв Д.Ю. Антропологические материалы из погребений некрополя городища Белинское // ДБ. Т. 13. 2009. С. 224–231.
- Зубарев В.Г., Пономарёв Д.Ю., Ефимёнок В.А. Новый склеп с полуциркульным перекрытием римского времени из раскопок некрополя городища Белинское // БИ. Вып. XXX. 2013. С. 248–269.
- Колчин Б.А. Хронология новгородских древностей // Новгородский сборник «50 лет раскопок Новгорода». М., 1982, С. 156–177.
- Майко В.В. Комплексът прабългарски паметници от VII–X вв. край с. Морское в юго-източен Крим // БСП. Т. 5. В. Търново, 1996. С. 127–148.
- Майко В.В. Средневековое городище на плато Тепсень в Юго-Восточном Крыму. Киев, 2004. 316 с.
- Майко В.В. Средневековые некрополи Судакской долины. Киев, 2007. 273 с.
- Майко В.В. Восточный Крым во второй половине X–XII вв. Киев, 2014. 467 с.
- Майко В.В., Зубарев В.Г., Ярцев С.В. Раннесредневековые материалы городища Белинское в Восточном Крыму // ДБ. Т. 20. 2016. С. 320–329.
- Плетнева С.А. На славяно-хазарском пограничье. М., 1989. 287 с.
- Федосеев Н.Ф., Пономарёв Л.Ю. Склеп № 6 на Кызаульском некрополе // ДБ. Т. 16. 2012. С. 491–525.
- Флёрова В.Е. Домашние промыслы в Саркеле-Белой Веже (по материалам коллекций костяных изделий) // Культуры Евразийских степей второй половины I тысячелетия н. э. Самара, 1996. С. 277–332.
- Флёрова В.Е. Гребни средневекового Подонья по материалам Саркела - Белой Вежи // МАИЭТ. Т.VI. Симферополь, 1998. С. 625–634.
- Флёрова В.Е. Образы и сюжеты мифологии Хазарии. Москва-Иерусалим. 2001. 160 с.
- Флёрова В.Е. Граффити Хазарии. М. 2013. 176 с.

REFERENCES

- Baranov I.A. Bolgaro-hazarskij gorizont srednevekovoj Sugdei // Problemi na prab"lgarskata istoriya i kultura. Sofiya, 1991. S. 145–159.
- Vinokurov N.I., Ponomarev L.YU. Saltovo-mayackoe poselenie na antichnom gorodishche Artezian (Kerchenskij poluostrov) // Laurea I. Antichnyj mir i Srednie veka: CHteniya pamyati professora Vladimira Ivanovicha Kadeeva. Materialy. Har'kov, 2015. S. 18–22.
- Vinokurov N.I., Ponomarev L.YU. Central'nyj uchastok saltovo-mayackogo poseleniya na gorodishche Artezian (po itogam issledovanij na raskope I v 1989–2001 gg.) // PIFK, 2016, № 1. S. 184–232.
- Davidan O.I. Grebni Staroj Ladogi // Arheologicheskij sbornik Gosudarstvennogo EHRmitazha. Vol. 4. Leningrad, 1962. S. 95–103.
- Dushenko A.A. Kostoreznoe delo Mangupa. PhD thesis in historical science, specialty - archaeology. Simferopol', 2016. 30 s.
- Zubarev V.G. K voprosu ob etnicheskom sostave zhitelej sel'skih poselenij Evropejskogo Bospora v III – IV vv. n.eh. (po materialam gorodishcha Belinskoe i ego nekropolya) // BCH. X. 2009. S. 176–178.
- Zubarev V.G., Lantsov S.B. Nekropol' gorodishcha Belinskoe (predvaritel'nye rezul'taty pervyh raskopok) // DB. Vol. 10. 2006. S. 316–339.
- Zubarev V.G., Leont'eva V.A. Pogrebenie kochevnikov iz nekropolya gorodishcha Belinskoe // DB. Vol. 16. 2012. S. 169–177.
- Zubarev V.G., Ponomaryov D.YU. Antropologicheskie materialy iz pogrebenij nekropolya gorodishcha «Belinskoe» // DB. Vol. 13. 2009. S. 224–231.
- Zubarev V.G., Ponomaryov D.YU., Efimyonok V.A. Novyj sklep s polucirkul'nym perekrytiem rimskogo vremeni iz raskopok nekropolya gorodishcha «Belinskoe» // BI. Vol. XXX. 2013. S. 248–269.
- Kolchin B.A. Hronologiya novgorodskih drevnostej // Novgorodskij sbornik «50 let raskopok Novgoroda». Moscow, 1982, S. 156–177.
- Maiko V.V. Kompleks"t prab"lgarski pаметnici ot VII-X vv. kraj s. Morskoe v yugo-iztochen Krim // BSP. Vol. 5. V. Tърново, 1996. S. 127–148.

Боспорские исследования, вып. XXXV

- Maiko V.V.* Srednevekovoe gorodishche na plato Tepsen' v yugo-vostochnom Krymu. Kiev, 2004. 316 s.
- Maiko V.V.* Srednevekovye nekropoli Sudakskoj doliny. Kiev, 2007. 273 s.
- Maiko V.V.* Vostochnyj Krym vo vtoroj polovine X-XII vv. Kiev, 2014. 467 s.
- Maiko V.V., Zubarev V.G., Yartsev S.V.* Rannesrednevekovye materialy gorodishcha «Belinskoe» v Vostochnom Krymu // DB. Vol. 20. 2016. S. 320–329.
- Pletneva S.A.* Na slavyano-hazarskom pogranič'e. Moscow, 1989. 287 s.
- Fedoseev N.F., Ponomaryov L.YU.* Sklep № 6 na Kyzaul'skom nekropole // DB. Vol. 16. 2012. S. 491–525.
- Flyorova V.E.* Domashnie promysly v Sarkele-Beloj Vezhe (po materialam kollekcij kostyanyh izdelij) // Kul'tury Evrazijskih stepej vtoroj poloviny I tysyacheletiya n. ch. Samara, 1996. S. 277–332.
- Flyorova V.E.* Grebni srednevekovoego Podon'ya po materialam Sarkela - Beloj Vezhi // MAIET. Vol.VI. Simferopol', 1998. S. 625–634.
- Flyorova V.E.* Obrazy i syuzhety mifologii Hazarii. Moscow-Ierusalim, 2001. 160 s.
- Flyorova V.E.* Graffiti Hazarii. Moscow, 2013. 176 s.

Резюме

В статье рассматриваются материалы, полученные в ходе раскопок 2014 – 2015 гг. в центральной части некрополя городища Белинское, расположенного в Восточном Крыму. В результате проведённых работ здесь был выявлен новый склеп античного времени со следами его использования в более позднее время. Анализ артефактов, найденных в грунте заполнения погребальной камеры, позволяет сделать вывод о том, что склеп, помимо античного времени, активно использовался в салтовский период и, возможно, в XI–XII вв. Характер этого использования был двойкий. С одной стороны, обнаружены остатки средневековых захоронений. С другой – имеются следы, свидетельствующие об использовании погребальной камеры в качестве укрытия для мелкого рогатого скота. Кроме разрозненных предметов погребального инвентаря в статье также рассматриваются граффити на стене погребальной камеры и надгробие, найденное в грунте заполнения дромоса.

Ключевые слова: некрополь городища Белинское, вырубной склеп с коротким дромосом античного времени, салтовский период, погребальный инвентарь, граффити на стене погребальной камеры.

Summary

The materials, got during excavations 2014 – 2015 in the central part of the necropolis of the settlement "Belinskoye", located in the East Crimea, are examined in the article. As a result of the conducted works, the new burial vault of ancient time with tracks of its use in later time was educed here. The analysis of the artifacts found in ground of filling of the funeral chamber allows to draw conclusion that the burial vault, besides ancient time, was actively used in a Saltovo period and, maybe, in the XI – XII centuries. The pattern of this use was dual. On the one hand, bits and pieces of medieval burial places were found. On the other hand, there are tracks testifying the use of the funeral chamber as the shelter for small cattle. Graffiti on the wall of the funeral chamber and a tombstone found in ground of filling of dromos along with separate articles of funeral inventory are also examined in the article.

Keywords: necropolis of the settlement Belinskoye, burial vault with a short dromos of ancient time, Saltovo period, funeral inventory, graffiti on the wall of the funeral chamber.

Зубарев В.Г., Майко В.В., Ярцев С.В. Новый склеп ...

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Зубарев Виктор Геннадьевич, д.и.н.,
Тульский государственный педагогический
университет им. Л.Н. Толстого,
профессор кафедры истории и археологии,
300045, г. Тула, ул. Кауля, д.13, корп.3, кв. 78.
parosta@mail.ru

Майко Вадим Владиславович, д.и.н.,
Институт археологии Крыма РАН,
вр.и.о. директора,
295007, г. Симферополь, ул. Севастопольская, д. 29, кв. 46.
vadimmaiko1966@mail.ru

Ярцев Сергей Владимирович, д.и.н.,
Тульский государственный педагогический
университет им. Л.Н. Толстого,
доцент кафедры истории и археологии,
300021, г. Тула, ул. Кутузова, д.84, кв. 54.
s-yartsev@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Zubarev Viktor Gennad'evich, DSc,
Tula State Pedagogical University named after L.N. Tolstoy,
Department of History and Archeology, Prof.,
Kaul' Street, 13, Housing 3, Apt. 13, Tula, 300045
parosta@mail.ru

Maiko Vadim Vladislavovich, DSc,
Institute of Archeology of the Crimea, RAS
Acting Director,
Sevastopol'skaia Street, 29, Apt.46, Simferopol', 295007.
vadimmaiko1966@mail.ru

Iartsev Sergei Vladimirovich, DSc,
Tula State Pedagogical University named after L.N. Tolstoy,
Department of History and Archeology, Ass. Prof., DSc,
Kutuzov Street, 84, Apt. 54, Tula, 300021
s-yartsev@yandex.ru

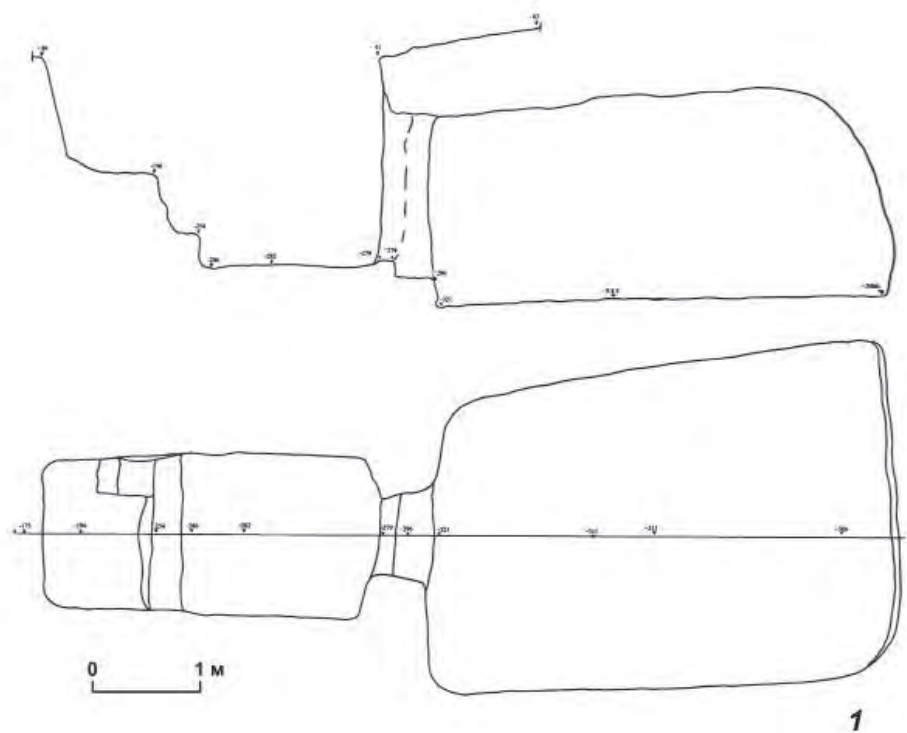

Рис. 1. План склепа № 23 и общий вид одной из групп перезахороненных костей в слое жёлто-коричневого суглинка в заполнении погребальной камеры.

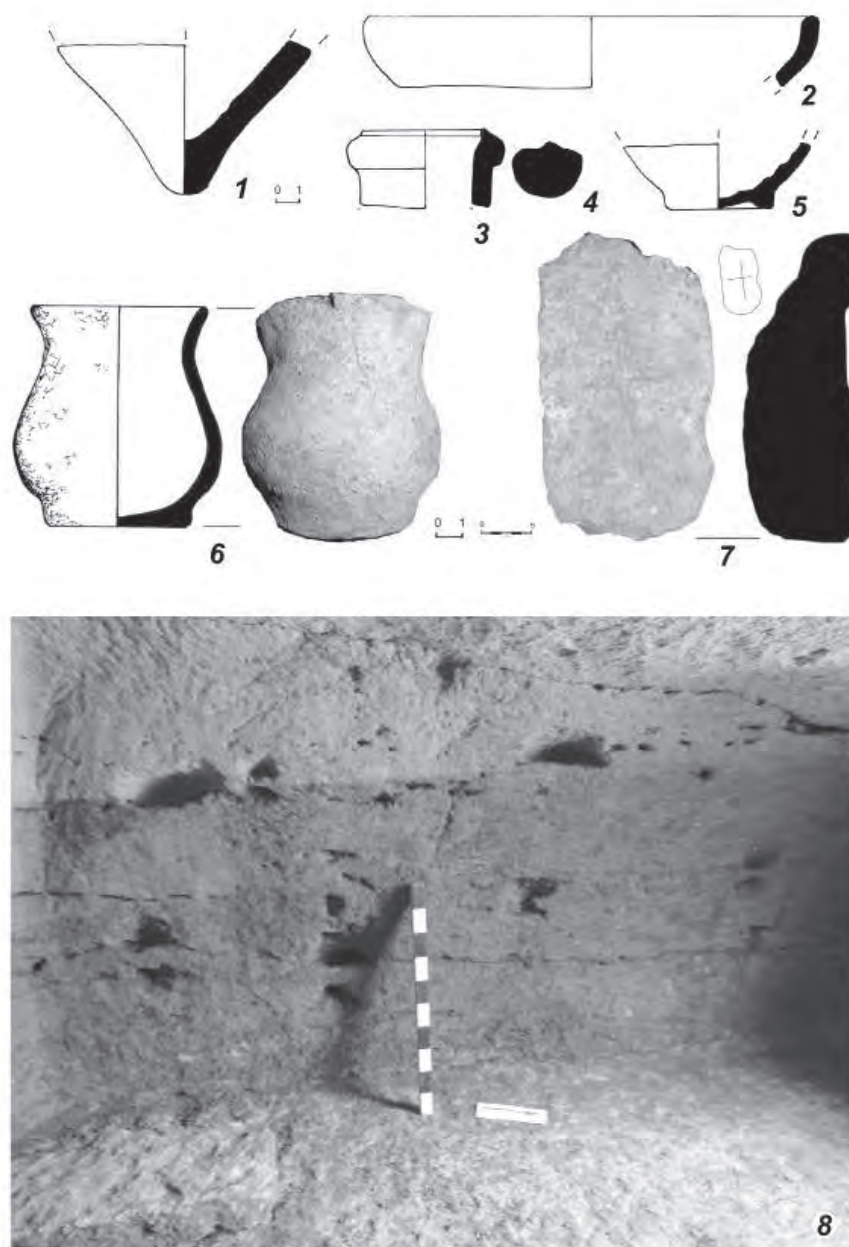

Рис. 2. Археологический материал из заполнения могильной ямы и общий вид западной стены склепа.
1-6 – керамический материал из могильной ямы; 7 – камень с крестом из заполнения дромоса;
8 – кольца для привязывания животных и ниши для светильников.

Рис. 3. Археологический материал из погребальной камеры и скопления перезахороненных костей.
1-4,11-14 – из заполнения камеры; 5-10,15-17 – из скопления перезахороненных костей.